

Пролог

Рождественская ночь, 1830 год

Стоя у окна верхнего этажа, шестилетний мальчик видел, как из дома выскользнула одинокая фигура и исчезла в снежной пелене. Ком подступил к горлу малыша, и он с трудом сглотнул, борясь с ужасом, зашевелившимся в душе.

Миссис Гатри была последней из слуг, покинувших особняк, чтобы вместе с семьей отпраздновать Рождество. Мальчика охватывала дрожь при мысли о том, что ему предстоит провести эту ночь без няни, одному в комнате. Он повернулся и с удрученным видом направился к своей кровати, стараясь не смотреть туда, где залегали глубокие тени.

И тут снизу донесся негромкий стук. Мальчик замер, напрягая слух. Может быть, это кровь стучала у него в висках? Но нет, внизу снова раздались глухие удары.

Охваченный паникой, мальчик пулей пронесся по темному коридору и вбежал в спальню родителей. Его мать полулежала в постели, откинувшись на высоко взбитые подушки, с книгой в руках. Мягкий свет лампы озарял ее лицо, на котором блуждала улыбка.

— Мама!

Тяжело дыша от страха и быстрого бега, он быстро взобрался на родительскую кровать под балдахином, опиравшимся на четыре резных столба. Мать обняла его и прижала к себе.

— Не бойся, это старое дерево под порывами ветра стучит о стену дома, дорогой, — ласково сказала она.

— Угу, — пробормотал малыш, уткнувшись лицом в мягкий живот матери.

Она потерлась щекой о макушку сына.

— Когда папа вернется из Англии, он распорядится, чтобы его спилили. Хочешь, я почитаю тебе перед сном?

— Угу.

От матери исходил знакомый запах, смешанный с ароматом свежего постельного белья. Он внушал чувство безопасности и уюта, успокаивал и навевал дремоту. Забравшись под одеяло, мальчик снова прижался к маме и закрыл глаза, приготовившись слушать сказку.

Но тут тишину дома разорвал звон разбившегося стекла. Тело матери напряглось, и ее тревога передалась сыну. Он широко открыл глаза.

— Мамочка, что это?

— Тсс!

Глухой шум пронесся по всему дому. У мальчика от страха сжалось сердце.

— Мама, это вовсе не дерево... — начал было он, но мать зажала ему рот рукой.

— Ни слова... — прошептала она и, укутав в одеяло, заставила залезть под кровать. — Спрячься подальше! Прижмись к стене!

Мальчик всхлипнул.

— Тихо! — снова зашептала мать. — Что бы ни случилось, не издавай ни звука, пока я не скажу, что мы в безопасности. Никто не заметит, что ты здесь, если будешь лежать тихо.

Дрожащими пальцами мальчик раздвинул складки одеяла. Теперь из-под кровати он видел отражение

матери в большом, тускло освещенном зеркале, стоявшем напротив. Ее лицо было напряженным.

Дверь спальни распахнулась, мать заерзала на постели, и пружины кровати громко заскрипели, оглушив мальчика. В поле его зрения показались мужские начищенные до блеска черные ботинки. Мальчик засунул в рот уголок одеяла, чтобы сдержать рвущийся из груди крик.

— Вы! — ахнула мать.

Незнакомец решительным шагом приблизился к кровати, и в зеркале появилось его отражение. Мальчик видел незваного гостя со спины. Это был черно-волосый человек с толстой шеей. Дрожа всем телом, малыш прижался к стене.

— Так-так, — произнес мужчина грубым голосом. Теперь он стоял у самой кровати, мысы его ботинок были в полуметре от мальчика. — Думаю, вряд ли стоит говорить о том, что никто не явится к вам на помощь. Вы прекрасно знаете, зачем я пришел.

Вжавшись спиной в подушки, мать натянула одеяло до шеи.

— Вы не найдете в этом доме то, что ищете.

— И где же мне в таком случае искать, мэм?

Женщина промолчала, и тогда незнакомец ударил ее по лицу.

— Извольте отвечать!

Мальчик впился зубами в одеяло. Ничего не добившись, незнакомец стал обыскивать комнату. Изрыгая проклятия, он выдвигал ящики комода и рылся на полках шкафа, швыряя на пол все, что в нем лежало. Затем он снова подошел к кровати и опустился на колени. Мужчина был так близко, что мальчика вновь охватила паника. Он зажмурился и затаил дыхание. Мочевой пузырь малыша не выдержал таких испытаний, и он произвольно помочился прямо в одеяло.

Что, если ворвавшийся в их дом человек учует запах мочи?

В дверь спальни негромко постучали. Мужчина встал и двинулся к двери. Мальчик открыл глаза. Когда дверь распахнулась, он увидел ноги еще одного мужчины, стоявшего на пороге. Незваные гости некоторое время тихо переговаривались. Затем второй мужчина ушел, а первый снова приблизился к кровати.

— Вы заставляете меня нервничать, мэм! — проревел он. — Но я заставляю вас говорить!

Мужчина наклонился над ней и вцепился в плечи. Мальчик все это видел в зеркале.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась мать.

Сдавленный звук клокотал в горле незнакомца. Он размахнулся и сильно ударил женщину. На ее лице появилась кровь. «Мамочка, мама, — повторял про себя малыш, — как же мне помочь тебе?» Он не хотел, чтобы она страдала, но страх сковывал его тело, заставлял прижиматься к стене.

Мужчина снова нанес удар, а затем, упершись коленом в край кровати, стал душить свою жертву. Вцепившись ей в горло, он тряс женщину, как тряпичную куклу. Из его груди вырывались свистящие звуки. Наконец он швырнул ее на подушки, вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Перепуганный мальчик не решался вылезти. Забившись в дальний угол, он смотрел в зеркало на отражение неподвижной фигуры матери. Ее рука безжизненно свисала с кровати. Мальчик увидел лежавшую на полу серьгу и быстро схватил ее.

Едва он успел отползти к стене, как дверь распахнулась, и незнакомец снова переступил порог спальни. Мальчик снова увидел блестящие ботинки. Они приблизились к кровати. Мужчина стал что-то искать

на полу, бормоча проклятия. Его рука шарила по половицам в опасной близости от мальчика. Не найдя то, что искал, незнакомец грязно выругался, вырвал из уха женщины оставшуюся серьгу и удалился.

Боясь, что злодей вернется, мальчик долго сидел под кроватью, глядя на отражение матери. Поленья в камине прогорели, угли остыли и превратились в золу, в комнате стало холодно. По щекам малыша текли слезы, но ужас не позволял ему покинуть свое убежище.

На следующее утро мальчика и его мертвую мать нашли вернувшиеся в особняк слуги. Опасаясь, что убийцы вернуться за малышом, они тайно отправили его в деревню, где он должен был дожидаться возвращения отца. Убитый горем, он не выпускал из ладошки единственную вещь, которая напоминала ему о матери, — золотую серьгу с гранатом.

Дни складывались в месяцы, а месяцы — в годы, однако отец все не приезжал. Он так и не вернулся домой.

Глава 1

Сан-Франциско, 1854 год

— Скажи, Вулф, ты долго еще собираешься заниматься проблемами других людей, не желая решать собственные? Ведь ты так и не нашел убийц своей матери!

Холодок пробежал по спине Вулфа, когда серьезный женский голос, произнесший эти слова, вывел его из оцепенения. Он заерзал на стуле, но, обведя глазами элегантный ресторан в отеле, который принадлежал семье Дианы, с облегчением заметил, что на ее вопрос никто не обратил внимания. Во всяком случае, вокруг не стихали разговоры и шутки. Шум голосов не могла заглушить даже музыка, доносившаяся из дальнего конца зала, где стоял рояль.

Последние двое суток Вулф много пил, поэтому сегодня за столом не притрагивался к алкоголю, потягивая воду. Тем не менее, услышав вопрос Дианы, он почувствовал, что во рту у него пересохло. Большую часть жизни он проводил в седле, разыскивая пропавших людей, и чертовски устал от этого занятия. Последние несколько недель он вместе с Тревором Андрузом занимался поисками его невесты, которую похитили индейцы. Доставив девушку в Сан-Франциско, он немного отдохнул, но ему пора было снова собираться в путь. Вулф с отвращением думал о том, что завтра утром придется опять садиться в седло и ехать домой в Миссури.

Сколько еще побед суждено ему одержать над хищниками, прежде чем он совершит роковую ошибку? Сколько еще опасных поручений он выполнит и получит вознаграждение от тех, кто не знал, каким одиноким чувствовал себя Вулф, когда возвращался из экспедиций? Сколько месяцев или, быть может, лет пройдет, прежде чем он упадет из седла на землю и больше не встанет?

— И что же ты на это скажешь? — раздался голос Кэмерона Андруза, кузена Тревоора, совладельца прибыльной судоходной компании.

Кэмерон сидел напротив Вулфа, рядом с Дианой, и хорошо слышал ее вопрос. Серьезный тон кузена Тревоора расстроил Вулфа не меньше, чем слова Дианы. После того, как Тревор и Селина поженились и отплыли в Китай, у Вулфа осталось только два друга — Кэмерон и Диана. Но если и дальше так пойдет, то эти двое, пожалуй, лишатся его дружбы.

— Продолжай, Диана, выкладывай все, что ты хотела еще сказать. Что же касается меня, то мне нечего ответить на твой вопрос, — заявил Вулф.

— Да, тебе не дано быть дипломатом, — сказал Кэмерон, поднеся к губам десертную вилку с кусочком шоколадного торта.

Вулф отодвинул свою тарелку в сторону и взглянул на друзей. У Кэмерона был странный акцент — смесь протяжного франко-креольского и британского. Первый он приобрел во французском квартале, где родился и вырос, а второй — в Кембридже, где получил образование. Что касается Дианы, то ее сильный, густой, как мед, южный акцент был неистребим, несмотря на то что она уже давно жила в Сан-Франциско.

Диана перегнулась через стол и дотронулась до серьги с гранатом, висевшей в ухе Вулфа.

— Эта серьга как-то связана с теми поисками, которые ты ведешь? — спросила она.

— Вряд ли, — ответил Вулф, не скрывая раздражения.

— Есть три вида воспоминаний, Вулф, — произнес Кэмерон, понимая, что приятель не расположен ничего объяснять, — хорошие, плохие и удобные. Поскольку мы твои друзья, нам не нужны удобные воспоминания.

— Вам просто скучно, и вы лезете мне в душу. — Вулф ревниво охранял свою личную жизнь и не любил распространяться о ней. — Я не желаю, чтобы друзья совали нос в мои дела.

Кэмерон бросил на него раздосадованный взгляд.

— О господи, Вулф! Ты не можешь упрекнуть нас в том, что мы суем нос в твои дела! Мы даже не знаем твоего настоящего имени. После всего, что ты сделал для моего кузена и его жены, мы прониклись доверием и любовью к тебе. И нам хочется, чтобы ты проявлял к нам те же чувства. Завтра ты уедешь, и неизвестно, свидимся ли мы когда-нибудь снова.

Слова Кэмерона пронзили сердце Вулфа, как острая стрела грудь дикого голубя.

— Вы оба прекрасно знаете, что эта серьга принадлежала моей матери, которую убили много лет назад. Что еще, черт побери, вы хотите знать?

— Мы хотим, чтобы ты облегчил душу, — промолвила Диана и, прикрыв нижнюю часть лица шелковым веером, уставилась на Вулфа зелеными кошачьи глазами. После паузы она вздохнула и опустила веер. — Когда вернешься в Миссури, выясни наконец, кто убил твою мать, или сними серьгу и зарой в ее могиле. — Она положила ладонь на руку Вулфа. — Нельзя вечно бродить по миру без всякой цели.

Мы — узники своего долга, который несем по жизни, как тяжкое бремя.

Вулф почувствовал, что у него сводит скулы от злости.

— И не пытайся скрывать свои чувства, пряча их за завесой напускной злости, — добавила Диана.

— Я ничего не скрываю, — буркнул Вулф.

Он никогда прежде не рассказывал подробно о своей матери и даже не знал, способен ли выдать из себя хоть слово о ней. Откинувшись на спинку стула, Вулф стал рассеянно водить пальцем по кромке бокала.

— Убийство произошло не в Миссури, — наконец с трудом произнес он.

Его голос дрогнул, и Вулф смущенно кашлянул. Диана ахнула, а Кэмерон нахмурился.

— Тогда где это случилось? — спросил он.

«К черту воду!» — решил Вулф и налил себе шерри.

— В Бостоне... — ответил он и залпом осушил бокал. — Это произошло в Бостоне.

Диана и Кэмерон переглянулись.

— В Бостоне? — переспросила Диана. — Так, значит, ты не уроженец Миссури?

— Разве я когда-нибудь утверждал это?

Кэмерон подался вперед.

— Ты никогда не рассказывал нам о себе. Откуда же нам знать, где ты родился? — сказал он. — Ты всегда говорил о Сент-Джозефе как о родном городе. Мой кузен именно там познакомился с тобой. А теперь слушай меня внимательно: одно из моих судов отправляется в Бостон через два дня. Ты можешь сесть на него. Это клипер, самое быстроходное парусное судно в мире. Ты окажешься в Бостоне в мгновение ока.

«О боже, только не морское путешествие!» — взмолился про себя Вулф.

— Я могу добраться до Сент-Джозефа верхом, а потом сесть на поезд, который направляется на восток.

— Ага! — воскликнул Кэмерон, взмахнув вилкой. — Однажды я уже видел это выражение на твоём лице! Да ты, братец, просто боишься дальних плаваний! — И он вонзил вилку в десерт. — Но ты должен плыть.

Вулф снова потянулся за графином с шерри.

— Самодовольный осел, — бросил он в сторону Кэмерона.

Однако ему было совершенно ясно, что друзья правы: пришло время заплатить по старым долгам. В его душе зрела решимость разобраться наконец со своим прошлым. Навалившись всем весом на спинку стула, Вулф стал раскачиваться.

— Значит, ты говоришь, что одна из твоих лодок выходит в море через два дня?

Кэмерон приподнял бровь.

— Судно! Повтори за мной: суд-но. Не вздумай произнести слово «лодка» на клипере, если не хочешь, чтобы тебя выбросили за борт.

Диана что-то достала из потайного кармана платья и протянула это Вулфу в сжатом кулачке.

— Я надеялась, что ты согласишься с нами. Вот, возьми.

И она положила на его ладонь маленькое золотое колечко на короткой цепочке.

— Что это?

— Это одна из серег, которые я носила в детстве. Я продела в нее цепочку, чтобы тебе было удобнее вдеть ее в ухо. Хоть со дня убийства твоей матери прошло больше двадцати лет, убийца может узнать тебя по серьге с гранатом. Поэтому я подумала, что тебе нужно заменить ее.

Диана попыталась прикоснуться к его уху, но Вулф мотнул головой, сопротивляясь.

Кэмерон взглянул на подарок Дианы.

— Может быть, не стоит ничего менять? — с сомнением промолвил он.

— Хорошо, я подумаю над этим, — сказал Вулф.

— Ладно, — вздохнула Диана, — надеюсь, ты прислушаешься к моему совету.

Камерон усмехнулся.

— Эта вещица слишком мала для уха такого парня, как Вулф.

Диана замахала на него веером.

— Кэмерон всегда несет всякую чушь, когда выпьет лишнего.

Кэмерон вдруг замер с вилкой в руке, уставившись на дверь.

— Вы только посмотрите, какая красавица вошла в зал! — с восхищением произнес он.

Диана повернула голову к двери.

— Это Алана Малоун со своими родителями, — сказала она. — Они остановились в нашем отеле, поэтому, умоляю, ведите себя прилично.

Медленно обернувшись, Вулф взглянул на семейство, о котором шла речь. Метрдотель проводил мистера Малоуна, высокого, полного мужчину, и его раздавшуюся в талии жену к свободному столику. Красавица-дочь с высоко поднятой головой плавной походкой шла между ними. Они миновали столик, за которым сидел Вулф с друзьями.

— Милое платьице, наверняка из Парижа, — пробормотала Диана.

Кэмерон фыркнул.

— Вулф не смотрит на платье, Диана. Я сомневаюсь, что он мог бы назвать его цвет даже под угрозой расстрела.

На Алане было белое платье, украшенное большими синими цветами, расшитыми бисером. Но не

модный наряд привлек к ней всеобщее внимание. От черноволосой красавицы невозможно было отвести взгляд. Она была выше и много стройней матери. В ней ощущалось неуловимое очарование, от которого Вулфа бросило в жар.

Когда она проходила мимо столика Вулфа, он уловил слабый аромат корицы и роз. Девушка повернула голову в его сторону и бросила на Вулфа дерзкий взгляд. В ее синих глазах пылал огонь. Холодная надменность причудливым образом сочеталась в ней с пылким темпераментом. Губы Аланы разомкнулись так, как будто ей стало нечем дышать, и Вулф почувствовал тяжесть в паху.

Кэмерон подался вперед и шепнул другу:

— Эта девица бросила на тебя довольно наглый взгляд, старина.

Вулф пожал плечами.

— У нее поразительные глаза.

Диана выгнула бровь.

— Ты, наверное, давно не смотрел на себя в зеркало. У тебя точно такие же.

Кэмерон хмыкнул.

— Да он просто нарывается на комплимент, Диана! Что скажешь, приятель?

— Хватит умничать. Вы ведете себя как проповедник в борделе! — Вулф осушил бокал и, поставив его с глухим стуком на стол, снова откинулся на спинку стула. — Вообще не цвет делает глаза поразительными, а то, что скрывается глубоко в душе. Может быть, поэтому твои глаза, приятель, такие тусклые.

Диана засмеялась и снова наполнила бокал Вулфа.

— Я с этим не согласен, — запротестовал Кэмерон. — У меня очень красивые глаза цвета светлого янтаря, месье. Это большая редкость. А вот твои действительно такие же, как у мисс Малоун.

Вулф фыркнул.

— Цвета янтаря? Ты льстишь себе, твои глаза цвета дерьма! — Вулф метнул взгляд на Диану. — Прости, пожалуйста, за грубость. Этот парень заставил меня забыть о хороших манерах.

Кэмерон хотел что-то сказать, но Диана остановила его.

— Вулф, послушай меня, — произнесла она серьезным тоном, — у тебя необычные глаза, радужка у них синяя с черной каймой, за счет этого она особенно выделяется на фоне белка. Точно такие же глаза у мисс Малоун. Я это точно знаю, потому что видела ее вблизи. Кстати, она сегодня беззастенчиво разглядывала тебя.

Вулф боролся с сильным желанием посмотреть туда, где сидело семейство Малоун. Алана заинтриговала его.

Кэмерон бросил взгляд на тарелку друга с нетронутым десертом.

— Ты собираешься это есть? — спросил он и, не дожидаясь ответа, придвинул тарелку к себе. — Забудь о ней, старина, ты не сможешь подойти к ней ближе, чем на десять футов. Ты видел, как вели ее по залу родители, словно два жандарма?

— Кто сказал, что эта девушка заинтересовала меня? — буркнул Вулф.

Кэмерон ухмыльнулся.

— Об этом свидетельствовало восхищенное выражение твоего лица. У тебя чуть глаза не вылезли из орбит, когда ты ее увидел. Я уже думал, что придется вызывать врача, чтобы он вправил их на место.

Раздался бархатный смех Дианы.

Вулф перестал бороться с собой и взглянул на мисс Малоун. Ее синие глаза, устремленные на него, сверкали, словно молния. Однако лицо при этом остава-